

RU

Передача речевых субстандартов в русских переводах середины XX века

Ачкасов А. В.

Аннотация. Цель исследования - обобщить практики передачи речевых субстандартов в русских переводах середины XX века в контексте дискуссии представителей реалистического и формально точного перевода. Научная новизна исследования заключается в выявлении преобладающих тенденций перевода речевых субстандартов представителями разных переводческих школ. В результате установлено, что общая тенденция передачи субстандартов выражается в использовании русской разговорно-просторечной нормы независимо от степени выраженности и систематичности репрезентации диалекта или просторечия в оригинале. Такой подход соответствовал идеологии, направленной на очищение языка от просторечия и региональных диалектизмов.

EN

Speech Substandards Rendering in the Russian Translations of the Middle of the 20th Century

Achkasov A. V.

Abstract. The aim of the study is to generalize the practice of rendering speech substandards in the Russian translations of the middle of the 20th century in the context of a discussion between representatives of realistic and formally accurate translation. The scientific novelty of the study lies in the identification of the prevailing trends in the translation of speech substandards by representatives of different translation schools. As a result, it has been ascertained that the general tendency for rendering substandards is expressed in the use of the Russian colloquial-vernacular norm, regardless of the degree of expressiveness and systematic representation of the dialect or the vernacular in the original. This approach was consistent with the ideology aimed at purifying the language from vernacular and regional dialectisms.

Введение

Вопрос о способах перевода речевых субстандартов – региональных, социальных, профессиональных, а точнее о передаче художественной репрезентации таких субстандартов неоднократно становился предметом внимания исследователей. В разные эпохи литературного перевода предлагались разные решения этого вопроса, что неизбежно вызывало острую полемику. Наиболее активно в отечественном переводоведении и критике этот вопрос обсуждался в середине XX века, в период противостояния реалистического и формально точного перевода и становления относительно устойчивого усредненного «стандарта» литературного перевода.

Практика передачи субстандартов в переводах середины XX века не подвергалась систематическому осмыслению. В отечественном переводоведении неоднократно воспроизводились элементы дискуссии того периода, в качестве иллюстраций использовались примеры передачи субстандартов наиболее известными переводчиками, однако не давалась общая характеристика преобладающих практик. В данной статье предлагается вариант такого обобщения, позволяющий под новым углом зрения взглянуть на художественный перевод середины XX века.

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими факторами. Аргументы, высказанные в середине XX века, и сами практики перевода этого периода имеют не только историческое, но и практическое значение в контексте возврата к экспериментированию в аспекте передачи субстандартов в переводах начала XXI века. Таким образом, теряет стабильность консенсус, достигнутый на определенном этапе развития переводной литературы. Появление новых практик наряду с непрекращающимся переизданием «канонических» переводов середины XX века актуализирует старые дискуссии, которые требуют переосмысления.

Материалом исследования являются переводы середины XX века, издававшиеся многотомными собраниями сочинений зарубежных авторов или выходявшие отдельными книгами в издательстве "ACADEMIA", а также переводческая критика того времени, содержащая дискуссии о передаче речевых субстандартов.

В задачи исследования входит выявление наиболее репрезентативных примеров передачи разных речевых субстандартов в переводах середины XX века, выявление наиболее типичных языковых средств передачи субстандартов, анализ дискуссий представителей реалистического и формально точного перевода в аспекте передачи диалектов и просторечия и обобщение способов перевода субстандартов.

Для решения поставленных задач используются методы переводческого, лингвистического и сопоставительно-стилистического анализа. Теоретической базой исследования являются работы отечественных и зарубежных переводоведов, касающиеся вопросов передачи субстандартов (Федоров, 1983; Гак, 1966; Кэтфорд, 1978), труды, посвященные языковой норме середины XX века (Коренева, 2000), а также критика переводов представителями разных переводческих школ анализируемого периода (Кашкин, 1977; Катарский, 1968; Лорие, 1965).

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования сделанных обобщений в контексте современных практик передачи речевых субстандартов.

Основная часть

Дискуссии середины XX века

В середине XX века шла активная дискуссия о принципах художественного перевода. В это время работали как убежденные сторонники формально точного подхода к переводу (например, Е. Ланн), так и их противники – представители творческого подхода к переводу («реалистический перевод» в терминологии И. А. Кашкина). Противостояние представителей этих подходов (см. подробнее: Азов, 2013; Баскина, 2021), которое имело не только филологические, но в значительной степени и идеологические причины, в 50-е годы было в активной фазе, однако к этому времени уже были определены базовые диспозиции представителей разных точек зрения, высказаны основные аргументы.

Можно сказать, хотя и с необходимой для такого обобщения долей условности, что в середине XX века в России складывается «стандарт» художественного перевода. В это время издаются 200-томная «Библиотека всемирной литературы», многотомные собрания сочинений Ч. Диккенса, Т. Драйзера, О. Бальзака, Ф. Купера, М. Рида и других зарубежных авторов, отдельные переводы мировой классики разных веков. Эти переводы стали каноническими, на них выросли поколения читателей. Переиздаются они и сегодня. В этот же период оформляется в своих базовых чертах отечественная лингвистическая теория перевода, которая сохраняет органическую связь с переводческой критикой.

Как уже было сказано, переводчики середины XX века не были едины в своих подходах, которые активно обсуждались. Так, И. Катарский (1968) в рецензии на 30-томное собрание сочинений Ч. Диккенса отмечает, что в этом издании «резко контрастируют уныло педантичные, сухие и бескровные переводы... с полнокровными мастерски выполненными переводами» (с. 311). Категоричность суждения рецензента обусловлена во многом идеологической борьбой сторонников «точного» и «реалистического перевода», в которой победили сторонники последнего, поэтому в разряд «педантичных переводов» попадают прежде всего переводы, «сделанные откровенно с формалистических позиций, как правило, еще в 30-х годах нашего века» (с. 311).

Тем не менее, если не сравнить канонические переводы середины XX века с оригиналами на уровне конкретных переводческих решений, то все они характеризуются общей литературной нормой. Разумеется, в них можно найти различия в подходах к передаче реалий, использованию разных стилистических пластов лексики, синтаксиса и т.д., но эта вариативность в основном укладывается в общий условный «литературный стиль», которому свойственны сдержанность и взвешенность в передаче стилистических контрастов и предпочтении нейтрализации стилистическим экспериментам. Особенно это характерно для передачи речевых субстандартов. Если русифицирующие переводы XIX века и буквалистские переводы первой трети XX века характеризуются экспериментами в поиске языковых средств для передачи диалектов и социолектов, то переводы середины XX века в этом отношении сдержанны и нейтральны. Согласно преобладающей точке зрения, любой речевой субстандарт нужно было передавать разговорными элементами, нейтральным просторечием или так называемыми общенародными диалектизмами (см., например: Федоров, 1983, с. 253; Гак, 1966, с. 39). Такой подход был в значительной степени результатом политики очищения языка от просторечия и диалектизмов, одним из его идеологов был М. Горький (1953): «У нас в каждой губернии свои "говора", свои слова, но литератор должен по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски. <...> все это даже не мякина, не солома, а вредный сорняк, и есть опасность, что семена его дадут обильные всходы, засорят наш богатый, сочный, крепкий литературный язык» (с. 562). Это вело к формированию усредненного стиля, который не допускал использования «буржуазных» заимствований и «простого» языка», а «переводная литература была призвана создать некий культурный контекст, который бы показал превосходство русской и советской литературы» (Коренева, 2000, с. 34). В итоге возникла практика передачи субстандартов, которая состояла в отказе, с одной стороны, от сильно маркированных просторечий, а с другой – от использования в переводах явно выраженных «литературных» элементов (Федоров, 1983, с. 255-256).

Систематически репрезентированный субстандарт

Такая стратегия передачи субстандартов наиболее последовательно проявилась в переводах произведений, в которых субстандарт репрезентирован последовательно и систематически. В частности, это проза Ч. Диккенса и В. Скотта.

М. Ф. Лорие (1965) характеризует передачу речи Стивена Блекпула в переводе романа «Тяжелые времена» Ч. Диккенса: перевод выполнен «без назойливых архаизмов, но и без слишком современных слов и оборотов» (с. 105). В качестве примера рецензент приводит в том числе и следующий фрагмент перевода:

“Why Rachael,” he replied, “whether I ha’ lef’n his work, or whether his work ha’ lef’n me, cooms t’ th’ same. His work and me are parted. ‘Tis as weel so – better, I were thinkin’ when yo coom up wi’ me. It would ha’ brought’n trouble upon trouble if I bad stayed theer” (Dickens, 1894, с. 463). / Я ли ушел с работы, – отвечал он, – или работа ушла от меня, выходит одно на одно. С его работой мы теперь врозь. Пусть так. Я даже подумал, вот когда вы меня догнали, пожалуй, оно и к лучшему. Останься я здесь, я был бы как бельмо на глазу (Диккенс, 1960, с. 166).

Можно согласиться с тем, что переводчица (В. М. Топер) «начисто отказалась от искажения русских слов и тем более от диалектизмов», однако нельзя сказать, что она «целиком полагалась на синтаксис и интонацию» (Лорие, 1965, с. 103). В переводе активно используется просторечие («выходит одно на одно», «оно и к лучшему») и не только нейтрально-разговорное («бельмо на глазу»). В других фрагментах она вводит и отдельные архаизмы, на которые также указывает М. Ф. Лорие – «нежели», «ежели». Такой подход к передаче субстандартов характерен и для переводчиков, работавших с «формалистических» позиций, в том числе и для Е. Ланна, который был объектом жесткой критики: «...буквалист и педант... Ему бы переводить деловые бумаги или ученые трактаты, где требуется документальная точность» (Чуковский, 2012, с. 52). Е. Ланн и А. В. Кривцова так передают региональный диалект мистера Пегготти:

“I’ll pound it, it’s wot you do yourself, sir,” said Mr. Peggotty, shaking his head, “and wot you do well – right well! I thankee, sir. I’m obleeged to you, sir, for your welcoming manner of me. I’m rough, sir, but I’m ready – least ways, I hope I’m ready, you unnerstand. My house ain’t much for to see, sir, but it’s hearty at your service if ever you should come along with Mas’r Davy to see it” (Dickens, 1890, с. 52-53). / Бьюсь об заклад, сэр, что и вы так делаете! – потряхивая головой, сказал мистер Пегготти. – И что бы вы ни делали – вы делаете хорошо. Спасибо вам, сэр. Очень признателен вам, сэр, за ваше доброе слово. Может, я и грубоват, сэр, но зато человек я покладистый, смею думать, я хочу сказать – надеюсь, сэр... Мой-то дом нечего смотреть, но он весь к вашим услугам, сэр, если бы вы приехали вместе с мистером Дэви (Диккенс, 1959, с. 128).

В переводе этого фрагмента, как и фрагмента, приведенного выше, реализован общий подход – ограниченное использование просторечия («человек я покладистый», «мой-то дом нечего смотреть») с тенденцией на олитературивание речи («смею думать», «к вашим услугам»).

Ни формалисты, ни представители реалистического перевода не предлагали универсального или однозначного решения для перевода субстандартов. И те, и другие говорили об использовании просторечия и использовали его на практике. Можно было бы ожидать, что формалисты, деклариовавшие принцип последовательной и систематической передачи всех особенностей оригинала, будут стремиться к выработке систематического метода передачи речевых характеристик. На практике этот подход был реализован только для отдельных элементов речи, например для просторечного искажения ученых слов или для повторяющихся в речи персонажей отдельных речевых элементов. Для диалектной речи или социального просторечия в целом такой подход реализовать невозможно, так как нельзя установить регулярные соответствия для типичных речевых маркеров оригинала (фонетических, лексических, синтаксических) и наборов средств принимающего языка. Нет прямой корреляции и между декларируемыми подходами и интенсивностью использования просторечных элементов в переводе. В приведенном выше отрывке в переводе Е. Ланна и А. В. Кривцовой, как и в переводе всего романа, просторечия используются даже в меньшем объеме, чем в переводе В. М. Топер. Если последовательно сравнивать передачу субстандартов переводчиками разных направлений, то можно найти различия в подходах к построению фразы или выявить разные лексические «наборы» просторечий. Однако в данном случае принципиальными являются не эти различия, а общность подходов к передаче субстандартов.

Не проясняет различие подходов в этом аспекте и критика формализма со стороны представителей реалистического перевода. И. А. Кашкин (1977) критиковал переводы Е. Ланна за избыточную транслитерацию и транскрипцию реалий (аттерни, скривенеры, кьюриты, реверенд-мистеры, сэндучичи), «этнографическую экзотизацию» и скрупулезное «прослеживание социальных профессиональных жаргонов» (с. 391). На практике последнее было выражено преимущественно лексическими элементами, упомянутыми выше. Все это, по мнению И. А. Кашкина (1977), «не обеспечивает передачи общенационального колорита. Ведь правильно переданный говор и облик Пегготти или Сары Гэмп или, с другой стороны, какого-нибудь Урии Гипа или Пекснифа даст гораздо больше для понимания английского национального колорита, чем вся эта внешняя бутафория» (с. 391). Как именно передавать говор Пегготти или Сары Гэмп, И. А. Кашкин (1977) не уточняет – и тут мы сталкиваемся с типичной риторикой представителей школы реалистического перевода: «Национальная форма передается глубоким проникновением в самую суть национального своеобразия народа, убедительным раскрытием того, как общность психического склада нации выражается в ее языке...» (с. 39). Каким образом воплотить результат такого проникновения в тексте перевода, не поясняется.

Если же мы обратимся непосредственно к переводам И. А. Кашкина, то обнаружим, что его метод передачи субстандартов основан на тех же базовых принципах, которые реализованы в приведенных выше примерах. Речь Макконнэхи, «старого забулдыги, ругателя и пьяницы», в его переводе «Владетеля Баллантрэ» Р. Л. Стивенсона передана так:

“They’re a’ daft here,” he would cry, “and be damned to them! The Master – the deil’s in their thrapples that should call him sae! it’s Mr. Henry should be master now! They were nane sae fond o’ the Master when they had him, I’ll can tell ye that. Sorrow on his name! Never a guid word did I hear on his lips, nor naebody else, but just fleering and flyting and profane cursing – deil hae him!” (Stevenson, 1915, с. 24). / – Да они здесь все сплошь олухи

и остолопы, – кричал он, – черт бы их всех, побрал! Подумаешь, владетель, – да с какой это стати, дьявол им в глотку, вздумали они так его величать! Это мистера Генри надо теперь называть владетелем и считать законным наследником. Небось, они вовсе не так цацкались со своим Баллантрэ, когда он у них сидел на шее. Уж я-то это знаю. А, будь он неладен! Ни словечка доброго не слышал я от него, да и кто слышал? Одна брань, и насмешки, и божба – подавился он ею на том свете! (Стивенсон, 1996, с. 7).

В отличие от приведенных выше фрагментов И. А. Кашкин обильно использует просторечие, иногда даже без прямой связи с оригиналом («когда он у них сидел на шее»). Возможно, это обусловлено тем, что перед переводчиком в данном случае не стояла задача систематической передачи субстандарта. В контексте романа речевая характеристика Макконнэхи решает задачу ситуативной социальной дифференциации. В прозе Ч. Диккенса, напротив, разные субстандарты четко разведены и репрезентированы систематически, в том числе и разные региональные диалекты. Однако даже в этом фрагменте есть элементы олитературивания речи («считать законным наследником»).

Едва ли менее сложную задачу для перевода представляет шотландский диалект в романах В. Скотта, но задача эта носит несколько иной характер. В «шотландских» романах диалект используется на протяжении всего произведения, поэтому теоретически его можно в целом передавать стандартными средствами русского языка. При этом необходимо учитывать, что характер диалекта варьируется в зависимости от социального статуса персонажей: «Интеллигентные шотландцы говорят на менее характеризованном наречии, более сглаженном, почти совпадающем с литературным английским языком. Шотландцы попроще разговаривают на наречии столь сочном, изобилующем такими “глухими” словечками, что для неосведомленного читателя требуется словарь или пояснения, которые часто дает сам автор» (Реизов, 1965, с. 468-469). Именно этот контраст, как минимум, нужно показать в переводе. Реализована эта задача теми же методами, что и в приведенных выше примерах.

В романе В. Скотта «Монастырь» (перевод М. А. Колпачки и В. Д. Метальникова) Тибб Тэккет, жена пастуха, как и ряд других персонажей, говорит на ярко выраженной простонародной версии диалекта:

“And it is the broth for my sick bairn, that maun make room for the dainty Southron’s wastel-bread. It was a blithe time in Wight Wallace’s day, or good King Robert’s, when the pock-puddings gat naething here but hard straits and bloody crowns. But we will see how it will a’ end” (Scott, 1893, с. 238). / Дожили, нечего сказать! Бульон для моей больной Мэри отодвигают, чтобы испечь лакомый пирог для этого английского франта. Вот было благословенное время при Уоллесе или при славном короле Роберте, когда мы английские пудинги месили палкой и обмазывали кровью. Но мы еще посмотрим, чем все это кончится (Скотт, 1963, с. 358).

В данном случае приведен наиболее удачный пример перевода, характеризующийся выдержанной разговорно-просторечной нормой и без явных признаков олитературивания. В целом диалект в переводе передан последовательно, хотя и с разной степенью интенсивности. Так, в других случаях переводчики используют сниженные просторечия, в том числе и близкие к диалектным формам: «...ихняя порода нашей милой Шотландии сроду добра не приносила. И расплодилось же на нашу голову таких, что мало милости, а больше лихости!» (Скотт, 1963, с. 356). / “...little good did the name ever bring to fair Scotland. Ye may have your hands fuller of them than they are yet” (Scott, 1893, с. 237). Такие неровности не меняют общей картины и не влияют на реализацию доминирующего подхода. В целом перевод существенно снижает контраст речевых характеристик оригинала.

Сконструированный субстандарт

В прозе Ч. Диккенса и В. Скотта систематически и относительно достоверно представлены реальные диалектные и просторечные черты, что ставит перед переводчиком задачу их последовательной передачи. У других авторов субстандарты часто представляют собой художественные конструкты, цель которых состоит не в том, чтобы дать достоверное представление о социальном варианте просторечия, жаргона или регионального диалекта, а в том, чтобы дать речевую характеристику персонажа, создающую стилиевые контрасты и колорит повествования. Таким конструктом в прозе Р. Л. Стивенсона является жаргонно-просторечная речь моряков. В романе «Остров сокровищ» речь капитана, поселившегося в «Адмирале Бенбоу», представляет собой сочетание просторечия и морских метафор:

“Is that seamanly behaviour, now, I want to know? But I’m a saving soul. I never wasted good money of mine, nor lost it neither; and I’ll trick ’em again. I’m not afraid on ’em. I’ll shake out another reef, matey, and daddle ’em again” (Stevenson, 1911, с. 18). / Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках (Стивенсон, 1981, с. 21).

Казалось бы, в данном случае переводчик имеет больше свободы в принятии решений. Однако в переводе Н. К. Чуковского, как и в переводах других произведений, где субстандарт имеет такой же условный характер, реализована тенденция на приведение речи к сложившейся литературной разговорной норме в сочетании с использованием просторечия. Следует также отметить, что в приведенном фрагменте неверно передано морское выражение “shake out reefs”. Эквивалентом в русском языке является выражение «распустить рифы» (рифы – завязки для уменьшения площади паруса).

Еще более условный характер имеет речевая характеристика локальных персонажей в прозе Ф. Купера. Речь Зверобоя – Натаниэля Бампо – урожденного англичанина, сына отставного майора, сочетает в себе признаки просторечия (главным образом фонетические) и элементы, характерные для образности индейского наречия. Ф. Купер отмечает, что дает в романе «перевод» реплик Зверобоя с местного наречия, что, конечно, не так и что дополнительно свидетельствует об их условной, сконструированной природе:

“As you think, Serpent,” answered Deerslayer; *whose remarks we always translate into English, preserving as much as possible of the peculiar phraseology and manner of the man* (курсив автора статьи. – А. А.). “’T is just so, as any one may see; and ’tis all founded in natur’. One sister loves finery, some say, over-much; while t’other is as meek and lowly as God ever created goodness and truth. Yet, after all, I dare say that Judith has her vartues, and Hetty has her failin’s” (Cooper, 1813, с. 193). / Ага, вот что ты думаешь, Змей! – ответил Зверобой. – Вполне возможно, что так оно и есть. Одна сестра любит наряды – пожалуй, даже слишком, как говорят некоторые, – а другая тиха и смиренна, хотя, в конце концов, смею сказать, что у Джудит есть свои достоинства, а у Хетти – свои недостатки (Купер, 1982, с. 176).

В приведенном отрывке (перевод Т. Грица) почти нет примет речи Зверобоя. Не передана ремарка Ф. Купера о переводном характере речи и о сохранении в ней «фразеологии и манеры» персонажа (выделено в оригинале курсивом). Речь зверобоя примечательна не столько фонетическими просторечиями, сколько признаками локальных диалектов – во всяком случае именно так «конструирует» его речь автор. Поэтому и передавать ее русским просторечием был бы ошибкой. Показательно в этом отношении, что в XIX веке передал речь Зверобоя без использования просторечия и И. И. Введенский (Купер, 1848), который активно и чрезмерно русифицировал Диккенса и Теккерея. Не передал он и фразу о «фразеологии и манере речи» Зверобоя. Признавая нецелесообразность передачи речевой характеристики просторечием, необходимо отметить, что переводчик почти не передает и приметы образности речи индейцев, которые, хотя и в переосмысленном виде, проникают в речь Зверобоя, и, более того, олитературивает речь персонажа («Вполне возможно», «тиха и смиренна», «в конце концов, смею сказать»). Такая тенденция характерна в целом для переводов середины XX века. Местный колорит в переводе романа сохраняется главным образом благодаря реалиям, именам персонажей и характерным оборотам в речи индейцев (например, говорить о себе в третьем лице).

В целом передача субстандартов в переводах середины XX века балансирует на грани разговорно-просторечной нормы. Отклонение от этой стратегии выражено, с одной стороны, введением в речь персонажей литературных оборотов, а с другой – появлением в репликах отдельных просторечий, диалектизмов или архаизмов, выбивающихся из общего контекста. Последний аспект отметила Н. Галь (2007). Задаваясь вопросом о том, как передавать просторечие (преимущественно фонетическое), она замечает: «Вернее всего пользоваться простым, подчас даже примитивным синтаксисом, просто строить фразу и – да, в самом деле – прибегать к нашему просторечию. Но не везде же оно годится, наше просторечие – и не каждое слово годится! Тут невозможны “сермяжные” чаво, чать, кабы» (с. 134). Отмела Н. Галь – хотя только в ходе анализа использования «сермяжных» просторечий – и немотивированное введение литературных элементов («обороты гладкие и книжные»): в реплике швейцара в романе Ж. Сименона сочетаются «поди», «насколько мне известно», «не решается». Подобных примеров в переводах рассматриваемого периода довольно много, они создают общий контекст, являются закономерными. Так, Волк Ларсен в романе Д. Лондона (1992) «Морской волк» (перевод Д. Горфинкеля и Л. Хвостенко) говорит: «Сдается мне, что отцовские ноги вам теперь больше не понадобятся. Вы, кажется, уже научились стоять на своих собственных. Немного практики в такелажных работах и с парусами, небольшой шторм, и к концу плавания вы сумеете наняться на любую каботажную шхуну» (с. 111). Приведенная реплика начинается с просторечия, далее переводчик пытается передать просторечную метафору оригинала (“you can now fire your father’s legs back into the grave to him”) и заканчивает книжным оборотом «немного практики в такелажных работах» (в оригинале – “a little rope-work”) (London, 1904, с. 130). При чтении переводов такие примеры почти не выбиваются из общего контекста. В других случаях контраст просторечного и книжного хорошо ощутим.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов. Несмотря на различия декларируемых позиций представителей реалистического и формально точного перевода, в середине XX века в практике перевода в отношении передачи речевых субстандартов складывается общий подход. Его наиболее типичная черта состоит в использовании русской разговорно-просторечной нормы – преимущественно лексической и в меньшей степени синтаксической – для передачи региональных диалектов, социолектов, профессионально-жаргонной речи и т.д. Такой подход реализуется как в ситуациях, когда субстандарт репрезентирован в оригинале систематически и натуралистически, так и в случаях, когда субстандарт представляет собой условный художественный конструкт, создающий стилевой контраст и колорит повествования. Указанный подход сочетается с введением в речь персонажей литературных оборотов или, напротив, отдельных диалектизмов или архаизмов, разрушающих общий стилистический фон переводных реплик. Сложившаяся практика передачи субстандартов в определенной степени была результатом идеологии, направленной на очищение языка от просторечий и региональных диалектизмов.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в расширении базы анализируемого материала и использовании дополнительных методов, что позволит более детально и полно проанализировать переводческие стратегии передачи субстандартов. Так, некоторые переводы, издававшиеся в середине XX века, были выполнены в 1930-е годы и подвергались правкам. Анализ редакторских правок даст дополнительный материал для понимания практик формирования усредненного «стандарта» литературного перевода.

Источники | References

1. Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920-1960-е годы. М.: Высшая школа экономики, 2013.
2. Баскина М. Э. Филологически точный перевод 1920-1930-х годов: люди и институции // Художественно-филологический перевод 1920-1930-х годов / сост. М. Э. Баскина. СПб.: Нестор-История, 2021.
3. Гак В. Г. «Коверкание» или «подделка»? (Об одном опыте перевода варваризмов) // Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1966. Вып. 3 / под ред. Л. С. Бархударова.
4. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Время, 2007.
5. Горький М. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 25.
6. Диккенс Ч. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим / пер. А. В. Кривцовой и Е. Ланна // Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30-ти т. / под общ. ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна. М.: Государственное издание художественной литературы, 1959. Т. 15.
7. Диккенс Ч. Тяжелые времена / пер. В. Топер // Диккенс Ч. Собрание сочинений: в 30-ти т. / под общ. ред. А. А. Аникста, В. В. Ивашевой, Е. Ланна. М.: Государственное издание художественной литературы, 1960. Т. 19.
8. Катарский И. Противоречивое издание (Любовь к писателю и мастерство перевода бок о бок с равнодушием и экспериментаторством) // Мастерство перевода - 1966: сб. ст. / под ред. К. И. Чуковского. М.: Советский писатель, 1968.
9. Кашкин И. А. Для читателя-современника: статьи и исследования М.: Советский писатель, 1977.
10. Коренева М. Ю. История русской переводной литературы сквозь призму развития русского литературного языка // Res traductologica. Перевод и сравнительное изучение литератур: сб. ст. / под ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2000.
11. Купер Д. Ф. Зверобой, или Первая тропа войны / пер. Т. Грица // Купер Д. Ф. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 6.
12. Купер Ф. Дирслэйер / пер. И. И. Введенского // Отечественные записки, 1848. № 9-11.
13. Кэтфорд Д. К. Лингвистическая теория перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. / под ред. В. Н. Комиссарова. М.: Международные отношения, 1978.
14. Лондон Д. Морской волк. Белый клык. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1992.
15. Лорие М. Ф. Об одном хорошем переводе («Тяжелые времена» Диккенса в переводе В. М. Топер) // Мастерство перевода: сб. ст. / под ред. К. И. Чуковского. М., 1965.
16. Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М. - Л.: Художественная литература, 1965.
17. Скотт В. Монастырь / пер. М. А. Колпакчи, В. Д. Метальникова // Скотт В. Собрание сочинений: в 20-ти т. М. - Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1963. Т. 9.
18. Стивенсон Р. Л. Владелец Баллантраэ. Потерпевшие кораблекрушение // Стивенсон Р. Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Издатцентр, 1996. Т. 3.
19. Стивенсон Р. Л. Остров сокровищ. Черная стрела / пер. с англ. Н. К. Чуковского. М.: Стройиздат, 1981.
20. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983.
21. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. / сост. Е. Чуковской и П. Крючкова. М.: Агентство ФТМ, 2012. Т. 3. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей.
22. Cooper J. F. The Deerslayer. L.: Richard Bentley, New Burlington Street, 1813.
23. Dickens Ch. Christmas Books and Hard Times. L.: Chapman & Hall, 1894.
24. Dickens Ch. The Personal History of David Copperfield. L.: Chapman & Hall, 1890.
25. London J. The Sea-Wolf. N. Y.: Grosset & Dunlap, 1904.
26. Scott W. The Monastery. L. - Edinburgh: Adam and Charles Black, 1893.
27. Stevenson R. L. The Master of Ballantrae. L. - N. Y. - Toronto - Melbourne: Cassell and Company, 1915.
28. Stevenson R. L. Treasure Island. Boston - N. Y. - Chicago: D. C. Heath & Company, 1911.

Информация об авторах | Author information

Ачкасов Андрей Валентинович¹, д. филол. н., проф.

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

Achkasov Andrei Valentinovich¹, Dr

¹ The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

¹ a_v_achkasov@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.07.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): речевой субстандарт; перевод; просторечие; диалект; литературная норма; speech substandard; translation; vernacular; dialect; literary norm.